

«Охъ, батюшка, моченьки моей нѣту! ноженьки ослабли... духъ не переведу»...

— Ну, иди сюда, старая, садись на телѣгу, да смотри не сомни котомки.

«Спаси тебя Господи, батюшка, что ты не оставилъ меня грѣшную!»

Пришлось строго наблюдать за ходомъ, чтобы кто не отсталъ въ темнотѣ. Діаконъ идетъ съ иконами и руководить пѣніемъ, а мнѣ пришлось быть сзади въ подводахъ. Подводы полны старыми и больными; по бокамъ телѣгъ, придерживаясь руками, бредутъ выбившіяся изъ силъ богомолки... а дождичекъ-кормилецъ все идетъ и идетъ, а вязкая глина липнетъ къ ногамъ все сильнѣе и сильнѣе. У нѣкоторыхъ отъ тяжести ея порвались опорки у лаптей, такъ бѣдняжки и шлепаютъ по грязи въ однихъ чулкахъ, а то и совсѣмъ босикомъ. Сзади пришлось оставить чловѣкъ 5, которые слѣдятъ затѣмъ, чтобы никто не отсталъ. Вотъ ведутъ подъ руки старушку;—она бѣдняжка отъ усталости сѣла въ вязкую глину и собралась тамъ заночевать.

— «Ну, иди и ты, садись на телѣгу!»..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. В. Палимпсестовъ.

---

## Со страницъ жизни и литературы.

### ХІІІ.

Прежде всего небольшая выписка изъ труда, на который я позволю обратить просвѣщенное вниманіе нашего рядового пастырства. Трудъ этотъ—не новое что-либо, лишь мало извѣстный: «Основныя начала православнаго пастырства» архіепископа Антонія, II т. его сочиненій, и д. 1900 г. Скажу не обинуясь: эта книга можетъ и должна быть и на столѣ и подъ подушкой каждаго пастыря. Въмѣстѣ съ твореніями Теофана, „Пастырское богословіе“ арх. Антонія указываетъ не идеально, какъ слово Божіе, посланія Апостольскія, а практически истинный образъ пастыря и тѣ средства, какими создается этотъ образъ. Не то хочу сказать, что этотъ образъ теперь потускнѣлъ или совсѣмъ обезличенъ, стерся до неузнаваемости, а только то, что каждому изъ пастырей необходимъ духовный, живой руководитель, котораго при современной внутренней разрозненности пастырей не сразу найдешь. Отсюда—промахи, ошибки, непониманье часто и себя и окружающей среды. Общее недовольство и тяжелое, угнетенное состояніе души пастырской, къ которому присоединяются еще невзгоды чисто житейскаго характера... Падаетъ энер-

гія, опускаются руки, создается холодно-равнодушное отношеніе къ святымъ задачамъ своего равноангельскаго служенія въ жизни. Намъ же спящимъ—врагъ приходитъ и съѣтъ плевелы.

Пресвященный авторъ пастырскаго богословія кратко, но точно опредѣляетъ, между прочимъ и то, какое можетъ имѣть значеніе для пастыря знакомство его съ свѣтской литературой. «Изучая литературу нашу, пастырь будетъ какъ бы введенъ въ самую сердцевину русской общественной и нравственной жизни: онъ по ней увидитъ, какими именно нравственными побужденіями русскіе люди вовлекаются въ тѣ или другія направленія мысли и жизни; понявъ же это, онъ при ясности и широтѣ собственнаго христіанскаго міровоззрѣнія, уже безъ труда можетъ показать его (т. е. христ. міровоззрѣнія) нравственное превосходство предъ всѣми заблужденіями и такимъ образомъ явится для заблудшихъ прежде всего занимательнымъ, далѣе—близкимъ, наконецъ—полезнымъ, утѣшительнымъ и просвѣтительнымъ собесѣдникомъ. Тутъ-то онъ и будетъ для подзаконныхъ какъ подзаконный и для неподзаконныхъ—неподзаконнымъ, подобно Верховному Апостолу».

Опредѣляя душу современнаго русскаго общества по литературѣ, отражающей ее, нужно сознаться, что общество само себѣ пишетъ смертный приговоръ въ своей литературѣ: до того въ ней преобладаетъ настроеніе шемящей тоски, небывалой еще усталости, доходящей до мертвой неподвижности. Недаромъ, самый популярный и любимый писатель, А. П. Чеховъ извѣстенъ въ обществѣ, какъ „талантъ мертвой полосы“. Вся жизнь въ произведеніяхъ А. П. Чехова представляется какъ-бы выжженной солнцемъ безконечной степью (первое его произведеніе «Степь»), въ которой люди живутъ безъ цѣли, безъ желаній, безъ страстей. Тоска и усталость томятъ его героевъ, какъ стараго, ученаго профессора, или его Иванова, или той барыньки, (Софьи Львовны) которая на лихой тройкѣ, съ нетрезвой компаніей заѣзжаетъ въ монастырь, для которой самая мысль о Богѣ, и душѣ, объ иной жизни кажется уже чѣмъ-то тяжелымъ, что старается она отогнать отъ себя всячески. Пряча подъ подушку голову, она шепчетъ: „Не надо объ этомъ думать, не надо“!. Сумеречно-тоскливое, хмурое настроеніе нашей мертвой полосы нашло въ А. П. Чеховѣ своего лучшаго, идеальнаго выразителя.

Чуть пониже его нужно поставить другого глубоко-правдиваго писателя Вересаева, который не менѣе художественно рисуетъ въ своихъ очеркахъ и рассказахъ яркія картины той-же мертвой неподвижности, какой-то обшей надломленности, пустоты и заброшенности жизни. Мертвой безнадежностью и безысходной тоской вѣетъ отъ его «Товарищей», бодрыхъ когда-то и ра

достныхъ людей, жившихъ когда-то известными планами, надеждами, мечтами.

Теперь они—мертвые люди. Заброшенные службой въ одинъ изъ русскихъ городишекъ, они, какъ полневольные рабы, тянутъ лямку, кто по акцизу, кто учителемъ. Для нихъ какъ для всѣхъ людей двадцатаго числа, чиновниковъ, не оставалось ужъ въ жизни „работы честной и святой“; всѣ они, какъ надорванные ломовыя клячи, тянутъ лѣнливо свой тяжелый возъ, не спрашивая, и не интересуясь, для кого, и для чего онъ нуженъ. Дни вяло тянулись за днями, скучные, бессмысленные; опротивѣвшая служба, необходимые визиты, выпивки и тупая тоска, изъ которой нѣтъ выхода, которая заняла въ ихъ жизни свое постоянное мѣсто, какъ галстукъ на шеѣ...

Что-же привело ихъ всѣхъ къ тихому безотрадно-унылому существованію?

«Въ семьѣ, въ школѣ, размышляетъ одинъ изъ товарищей, намъ никто, никогда не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ... Не воруй, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... вотъ была мораль... Мы думали спокойно прожить съ этой моралью, какъ жили наши отцы... И вотъ приходитъ книга (не вѣрнѣ ли: *пробудившаяся совѣсть?* авт.) и обращается къ намъ съ неслышанно громаднымъ запросомъ: она требуетъ, что-бы вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла, она ихъ предполагала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ больной совѣстью»...

«... Да, мало хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться кругомъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное спасеніе для тебя—уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобы ничего отъ тебя не осталось»... Это признаніе земскаго врача (раз. «Безъ дороги») у Вересаева такъ напоминаетъ учителя греческаго языка у А. П. Чехова („Человѣкъ въ футлярѣ“). Бѣликовъ—идеальнѣйшій нигилистъ. И его идеаль—отрицаніе жизни...

Поэтому мы, нисколько не преувеличивая, повторяемъ: русское общество въ своей литературѣ пишетъ само себѣ смертный приговоръ. И неудивительно, что неуравновѣшенно-нервные молодые сердца, не огрязненные еще двоедушіемъ и подлостью жизни, иногда до того страшатся ея, что предпочитаютъ медленной смерти одинъ безумно-дерзкій порывъ къ ней и немедленный расчетъ съ ней.

Великъ грѣхъ, но и велика пропасть паденья, приводящая къ нему. Безпристрастно-правдивый писатель, силою полученна-

го отъ Бога дара или таланта и показываетъ обществу тотъ безконечно пестрый рядъ отдѣльныхъ слагаемыхъ, которыя, вмѣстѣ взятыя, даютъ одну опредѣленную сумму: скучную, безпросвѣтно-тяжелую, унылую и безрадостную жизнь...

Большая совѣсть должна рано или поздно проснуться у великихъ, богатыхъ и сильныхъ міра, имѣющихъ и держащихъ въ своихъ рукахъ право и средства на строительство жизни...

Свящ. Ал. Ушаковъ.

---

## МИССИОНЕРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

---

### Наставники.

„Мы просимъ мудрости понимать Писаніе, и Богъ даетъ намъ ее. Никакихъ другихъ толкователей намъ поэтому не нужно“—Вотъ что говорятъ сектанты въ оправданіе своего произвольнаго толкованія св. Писанія. Но можно-ли такъ говорить? Не значить ли это то, будто сектантское пониманіе слова Божія отъ Бога?—Это кощунство, это хула на Бога. Если обратить вниманіе на слова ап. Іакова (1, 5), то придется сказать, что ихъ сектанты неправильно понимаютъ. Нельзя думать, что здѣсь говорится о мудрости, какъ знаніи истинъ ученія, тайнъ вѣры, а посему и способности толковать слово Божіе. На самомъ же дѣлѣ здѣсь разумѣется мудрость благоповеденія, знаніе добра. Это видно изъ словъ того же апостола, который говоритъ: «мудръ ли и разумень кто изъ васъ? докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостію» (Іак. 3, 13). Но мудрость какъ пониманіе истинъ ученія и способность толковать слово Божіе дается не каждому. А Богъ поставитъ на это особыхъ лицъ—учителей. Посему то и спрашиваетъ апостоловъ: всѣ ли учителя? (1 Кор. 12, 29). Нѣтъ, конечно.—Учитель тотъ, кто имѣетъ этотъ даръ Духа черезъ возложеніе рукъ (Дѣян. 13, 1—3). Такимъ и должно повиноваться, какъ говоритъ апостолъ: повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны (Евр. 13 17), у такихъ лицъ и должно искать руководственныхъ указаній для истиннаго пониманія слова Божія. Нужно помнить, что ученики шедшіе въ Еммаусъ, уразумѣли истинный смыслъ св. Писанія только тогда, когда Самъ Христосъ научилъ ихъ (Лук. 24, 45).

### Истинное пастырство.

Никакое общество не бываетъ безъ старшихъ и руководителей; во всякомъ обществѣ есть начальники. Такъ должно быть и въ лучшемъ изъ обществъ—Церкви Христовой и здѣсь должны быть пастыри и пасомые. Въ своихъ словахъ: «жатвы много, а дѣлателей мало» Иисусъ Христосъ подъ жатвою разумѣетъ